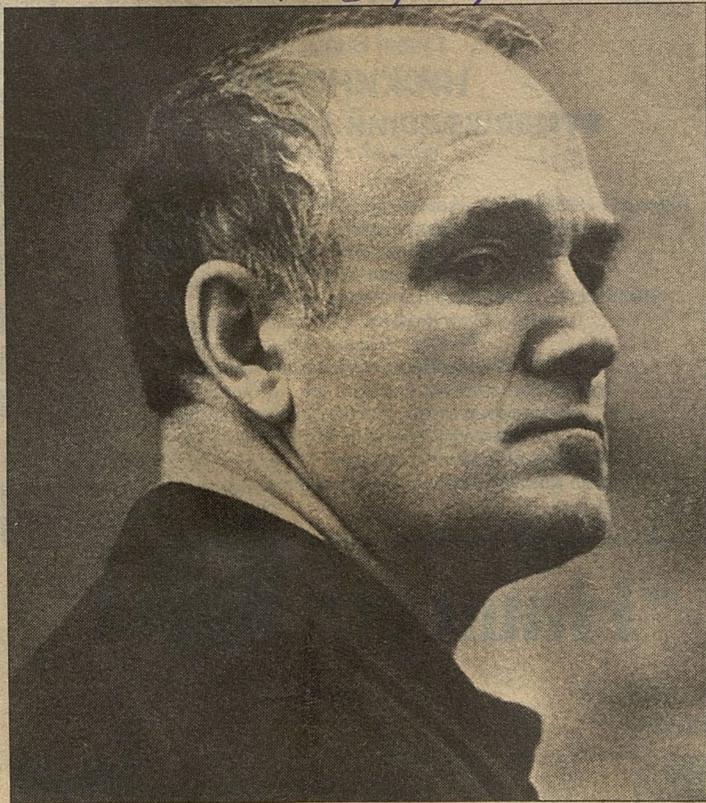

Культура — 1999 —
28 янв. — 3 февр. — с. 10

Загадка Рихтера

В жизни и на экране

Мемориальная квартира Святослава Рихтера, взятая "под крыло" Музеем изобразительных искусств имени Пушкина, спустя десять дней после официального открытия приняла первых посетителей. По словам директора ГМИИ И. Антоновой, в Доме Рихтера обязательно будет звучать музыка — вскоре, например, здесь выступит молодой пианист Александр Мельников. Однако на этот раз "собрание" было не совсем обычное — гости музея увидели документальный фильм о Святославе Рихтере.

Французский режиссер Бруно Монсенжон известен фильмами о крупнейших современных музыкантах — Давиде Ойстрахе и Гленне Гულде. Избранная им тема, безусловно, — "его", поскольку он являет собой счастливое сочетание режиссера (весьма одаренного) и музыканта. Превосходно знает русский язык, который выучил за годы учебы в Московской консерватории. Идею снять фильм, посвященный Рихтеру, Б. Монсенжон вынашивал давно. Но, как известно, Святослав Теофилович не любил интервью и телекамер. Дал согласие на съемку он лишь незадолго до своей кончины.

Три месяца в течение зимы

1996 — 97 годов Рихтер жил в Антибе, в доме отца режиссера, и именно в это время было снято огромное, длящееся более двух часов интервью, которое стало канвой фильма. Рихтер все время находится в кадре — и звучат его голос или записи его концертов. Лишь изредка "берет слово" Нина Львовна Дорлиак. Режиссура очень тактична и "незаметна". Порой за кадром возникает голос режиссера, "наплывают" старые фотографии и кадры кинохроники — однако иллюстрации эти ни на секунду не отвлекают внимания от главного героя. И как бы исподволь выстраивается повествование о жизни и судьбе великого музыканта. Была эта судьба счастливой или трагической? Режиссер не стремится предложить зрителям никаких заранее заготовленных концепций. Свой фильм он называет "Рихтер. Загадка".

Фильм, скорее, элегический, как бы окрашенный прощальным закатным светом, фильм-воспоминание. Тон задают первые же слова Рихтера: "У меня очень хорошая, но очень противная память". Так шаг за шагом вспоминает он всю свою жизнь. И в связи с этим естественно возникает тема, кото-

рая буквально пронизывает весь фильм, — музыкант и время, музыкант и государство. Взаимоотношения великого артиста с государством были довольно неоднозначны. Рихтер не был гоним (хотя порой и подвергался преследованию КГБ), но и не был обласкан властью. Не выступая против нее открыто, он, например, сумел в самый разгар кампании 1948 года вместе с Ниной Дорлиак провести концерт, в программу которого входили исключительно сочинения Сергея Прокофьева. Центральным и, пожалуй, самым напряженным и драматичным эпизод фильма связан с похоронами Сталина. Как известно, Рихтер вынужден был в тот день играть в Колонном зале. Святослав Теофилович, однако, вспоминал об этом почти без всякого политического подтекста — только как о своеобразном "насилии над музыкой".

Музыкальной "рамкой" к фильму стала элегичная тема из последней шубертовской сонаты — на редкость удачная находка. Имя Шуберта и его музыка возникнут еще не раз, нам напомним о том, что именно Рихтер заново открыл сонаты Шуберта слушателям да и многим музыкантам — об этом, в частности, говорит в фильме

Гленн Гулд. Звучат и "милый Гайдн" (определение самого Рихтера), и Бах, и "Рождественской оратории" которого Рихтер говорит: "Уже первые звуки литавр приводят меня в восторг", и Шопен, и Прокофьев, и Шостакович...

В чем же загадка Рихтера? Наверное, в простоте его слов. Простота — без тени артистического "преподнесения", особая, озаренная светом неких "последних" истин, которые открыты лишь немногим. В своем интервью пианист только слегка касается "тайн ремесла", но мысли, высказанные им, воспринимаются как итог целой жизни в искусстве. "В исполнительстве, так же, как и в живописи, самое трудное — очертить круг. В игре на рояле все должно быть симметрично".

Фильм о Рихтере — не просто фильм о великом человеке, но о человеке-эпохе. И когда в финале вновь звучат аккорды шубертовской сонаты, невольно возникает мысль: гиганты уходят со сцены, и постепенно все плотнее и плотнее становится завеса, отделяющая нас от той великой и уже во многом негостижимой для нас эпохи, имя которой — XX век.

Татьяна ГАЛЬПЕРОВИЧ